

Я хочу, чтобы обо мне написали - он был философом!

Щедровицкий П.Г. Я хочу, чтобы обо мне написали - он был философом! // Искра инноваций. журнал. 01.06.2012. №23. С.4-5.

Президент Института развития имени Г. П. Щедровицкого – об инновационном сопротивлении, технологическом рабстве и воспитании детей.

— У Вас очень много должностей, от политтехнолога до консультанта по вопросам инновационной деятельности. Вы сами кем себя считаете?

Я себя считаю философом. Знаете, на могиле Джефферсона написано, что он создал американскую конституцию. Но там не написано, что он был президентом. А я бы хотел, чтоб на моей могиле написали, что я был философом, а что напишут – я не знаю...

— Из философии возникли все остальные ваши виды деятельности?

Да, из определенной версии философии. Я учился у своего отца, который создавал школу системомыследеятельностной методологии.

— Философия – это больше гены?

Трудно сказать. Я гляжу на своих многочисленных детей и между ними так мало общего...

— Сколько у Вас детей?

Пока восемь и пять внуков.

— Вы бы хотели, чтобы Ваши дети продолжили ваше дело?

Я бы, конечно, этого хотел, но, глядя на своих старших детей, понимаю, что во многом это их выбор, поэтому отношусь к этому статистически.

— Вы говорите, что Вас отец воспитывал в рамках своей философии, была ли она как-то отлична от воспитания других детей?

Это довольно сложный вопрос. Воспитание шире, чем обучение. Он, скорее, меня чему-то учил и демонстрировал на себе протоколы и образцы поведения. Я их разбирал и применял для себя: во - первых, как сын, а во-вторых, как ученик, имея пример перед глазами. Я думал, как я могу этому соответствовать или не соответствовать, думал, почему отец поступает именно так. Мне было интересно подражать ему. Поэтому роль образца очень важна. На своих детях я вижу то же самое. Я сижу дома, работаю, постоянно нахожусь с книжкой, и мои дети, как свойственно маленькому человеку, начинают копировать мое поведение. Старший сын у меня в 4 года писал какую-то книгу - на машинке стучал с ошибками. Сначала копируется внешняя форма поведения и только потом, по мере того, как у человека возникают реальные жизненные ситуации, и он в этих ситуациях вынужден вести себя определенным образом, он может, анализируя свой собственный мир и поведение других людей, начать задавать вопросы – как правильно, как неправильно. Здесь нужно помочь ребенку, подростку создать такое пространство, в котором он бы хотел обсуждать с тобой разные ситуации. Потому что если он не будет их обсуждать с тобой, он будет их обсуждать с кем-то другим. Источник формирующих воздействий будет исходить из другого, поэтому нужно определенное пространство открытости и доверия. Определенный тип отношений. Это сложно. Я знаю очень много неплохих семей, достаточно образованных, в которых такого пространства нет.

— Что самое главное, чему научил Вас отец?

Надо идти последовательно и в своем темпе как можно дольше. Знаете принцип лыжника, бегущего на длинную дистанцию? Нужно сперва нащупать тот ритм и темп, в котором вы пройдете 50 километров, и так двигаться до конца. Если вы начнете суетиться, бежать слишком быстро – сорвете дыхалку. Идти на дальние расстояния часто сложно – сил может не хватить, последовательности, уверенности в том, что ты идешь правильно, умения, с одной стороны, держать какую-то далекую цель, а с другой стороны — реагировать на меняющиеся обстоятельства и быть адекватным. Гумилев это называл «люди длинной воли».

— Вы для себя какую видите цель?

Совершенствование и, по возможности, распространение методологического мышления, т.е. той философии, в которой я был сформирован. Такая же цель у меня была и 35 лет назад. Расширить для своих учеников кругозор, пространство их свободы.

— Вы сейчас в открытом университете «Сколково» читаете лекции по инновационной экономике. Что вы подразумеваете под инновационной экономикой?

Я думаю, что любая экономика в принципе инновационна. Потому что прибыль и добавочная стоимость возникает только тогда, когда у вас есть новый способ что-то сделать. Если у вас он есть, то вы выиграете экономическую конкуренцию.

— Но ведь не так часто компании быстро реагируют на инновационные вещи. Инновационные продукты не сразу принимаются обществом.

Ну, наверное. Между изобретением железа и его распространением прошло 400 лет.

— *Это говорит о медленной реакции на инновации...*

А что в этом такого удивительного? Если человечество так жило тысячелетиями, почему должно что-то измениться сейчас? Когда была последняя радикальная инновация?

— *Интернет?*

Если учитывать, что в основе интернета лежит ряд разработок, которым больше 50-ти лет, то, с вашей точки зрения, последней радикальной инновации больше полувека.

— *А что Вы считаете радикальной инновацией?*

Наверное, в перспективе последнего столетия это попытка овладеть энергией связей распада или синтеза на молекулярном и атомарном уровне.

— *Насколько, по-вашему, это направление сейчас развито?*

Пока очень слабо. Сделали несколько попыток по отношению к ряду элементов (если иметь в виду периодическую систему Менделеева).

— *А какие сейчас тенденции? Что более востребовано?*

Наверное, наиболее востребовано создание материалов с управляемыми свойствами. А особенно биоматериалов.

— *А какие компетенции сегодня нужны? Чего не хватает современным специалистам?*

Мне кажется, что человеку вообще всегда не хватает широты кругозора. Человек — существо консервативное. Когда он получает какую-то специальность, профессию, он успокаивается и в спокойном состоянии пребывает до тех пор, пока не «торкнет». Следовательно, всем не хватает одного и того же – предусмотрительности, ожидания каких-то существенных изменений и готовности к этим изменениям.

— Если человек – существо консервативное, то стремление к инновациям – это...

Это выдумка, стремления нет. Хотя об этом сейчас политкорректно говорить. Но развиваться сложно. Человек в большинстве случаев сопротивляется развитию и инновациям.

— У вас есть какая-то версия "почему"?

Нет. Я смотрю на историю и понимаю, что невозможно провести грань между социальными изменениями, культурными кодами и техническими изобретениями. У Питера Друкера есть хороший пример. Он говорит: объясните мне, почему паровой двигатель уже был, вагоны для транспортировки грузов были, приделать паровой двигатель к вагону – мысль, не требующая существенных интеллектуальных способностей, но железные дороги не развивались. А когда начали развиваться, то, прежде всего, с пассажирских перевозок. Друкер объясняет: это потому, что для возникновения железнодорожного сообщения нужно было поменять ментальную географию. Люди должны были понять, что они могут прийти на вокзал, сесть в поезд и поехать работать в близлежащий город. А для того, чтобы произошла эта ментальная революция, нужен был сложный набор социокультурных условий. Поэтому инновации начинаются только тогда, когда меняется что-то в мышлении, а до этого, в основном, мы сталкиваемся с феноменами инновационного сопротивления.

— И как совершить ментальную революцию? Есть какие-то технологии?

Какие-то вы рабы технологического подхода.

— Почему?

Не знаю. Вам все время какие-то технологии подавай. Вы что, действительно так верите в технологии?

— А по-вашему, это все происходит естественным путем?

Вы за меня не утверждайте. Но вы действительно верите в технологии? У нас была большевистская революция, после этого было много всякой лабуды по поводу индустриализации и перестройки человеческого сознания. Многого ли мы добились?

— Да.

Очень здорово. В фашистской Германии было много обработки сознания – и идеологий, и технологий – многого они добились?

— В технологическом плане – да...

Я с Вами не согласен. В результате такого подхода появятся ГУЛАГи, шарашки и дурацкие технические решения, которые никому не нужны и от которых потом приходится десятилетиями избавляться. Не преувеличивайте роль технологий в нашей жизни.

— Из Ваших слов следует, что первична не технология, а социокультурная сторона, но и социум, и культура не могут быть совсем без технологий. Как найти грань?

Не вы ищете грань, а она вас. На мой взгляд, грань проводит история.

— А если говорить про прогнозирование будущего?

Ничего мы спрогнозировать про будущее не можем. Силенок не хватит. Будущее будет не таким, каким вы его прогнозируете. Когда вы это один раз поняли, то после этого можно как-то жить. Можете упражняться в прогнозировании будущего, но то, что вы получаете в результате этих упражнений, можете сразу спустить в мусорную корзину.

— Получается, что специалисты по концепциям, стратегиям, прогнозисты – они бесполезны? В итоге все будет иначе...

Не надо путать готовность человека к изменениям и реальные изменения. Как интеллектуальное упражнение, повышающее готовность человека к изменениям, прогнозирование – это важно. Так же, как ваше тело – если вы его тренировали, то вдруг, если завтра на вас наедет машина, не дай Бог, или если вы попадете в какую-то передрагу, то тренированный человек будет иметь больше шансов в этих обстоятельствах найти правильный образ действий, в отличие от нетренированного. Так и здесь.

— Есть какой-то способ тренировки и подготовки к будущему? Ваш рецепт?

Для меня таким тренингом были оргдеятельностные игры. Это особый способ организации коллективной работы. Их придумал мой отец, и я имел возможность какое-то время в них участвовать, а потом и сам проводить. А для кого-то другого эту роль может выполнить другой «тренажер». У каждого свое.

Материал на сайте:

<https://shchedrovitskiy.com/ya-hochu-chtob-obo-mne-napisali-on-bil-filosofom>